

А. А. Майоров

ПАРАЛЛЕЛИ В ЖИТИЙНЫХ СЮЖЕТАХ
ОБ АДАЛЬБЕРТЕ ПРАЖСКОМ
И НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕРУССКИХ ПОВЕСТВОВАНИЯХ

78

В статье осуществляется сопоставление чрезвычайно популярных в Центральной Европе X – XII вв. житийных повествований о жизни и мученичестве Адальберта Пражского с комплексом древнерусских летописных и житийных рассказов, повествующих о событиях, относящихся территориально к бассейну Верхней Оки в хронологически сопоставимом периоде. Анализ полученных результатов дает возможность выявить и проследить ряд прямых и не прямых параллелей в имеющихся сюжетных линиях и излагаемых фактах, связанных с описанием жизни и деятельности двух пар братьев – Адальберта и Гаудентиуса и легендарных летописных Радима и Вятко. Обстоятельства трагической смерти иеромонаха Кушки представляются чрезвычайно схожими с изложенными в повествованиях об убиении Адальберта Пражского, что может объясняться как общностью сюжета и фабулы, так и знакомством древнерусского автора с указанными житиями.

This article presents a comparative hagiographic analysis of the life and martyrdom of Adalbert of Prague, who was extremely popular in Central Europe X – XII centuries, and hagiographies and old Russian chronicles related geographically to the events that took place in the basin of the Upper Oka. The author identified several direct and indirect parallels of the plot. Among them, there is a description of the activities of the Adalbert-Gaudentius brothers and the legendary Radim and Vyatko brothers. The story describing the tragic death of hieromonk Kuksha is similar to the ones describing the killing of Adalbert of Prague. This similarity can be explained both by the commonality of the plot and the storyline, and the writer's acquaintance with the hagiographies.

Ключевые слова: Вятко – Радим, Адальберт – Гаудентиус, христианское мученичество, миссионерство среди язычников, сюжетные параллели, влияние.

Keywords: Vyatko – Radim, Adalbert – Gaudentius, Christian martyrdom, missionary work among pagans, parallels of narrative plots, influence.

Обстоятельства жизни и деятельности Адальберта Пражского, католического святого, епископа Праги, вероятного автора древнейших неформальных гимнов Чехии и Польши, принадлежавшего ко второму по степени влияния роду своей страны, близкого к императору Оттону III, до настоящего времени привлекают внимание многочисленных исследователей. Однако их подробное рассмотрение не является целью настоящей статьи. Достаточно упомянуть, что Адальберт происходил из очень знатной семьи Славников, соперничавших по степени влияния с правящим родом Пржемысловичей. Родился в 956 г. в богемском городе Либица, учился в соборной школе в Магде-

бурге. Стал вторым епископом незадолго до того основанного в Праге епископства. Между 983 и 989 гг. он уехал в Италию, где первоначально был монахом в Монтекассино, а затем в монастыре Св. Алексия и Бонифация в Риме. После возвращения в пражское епископство (между 992 и 995 гг.) снова уехал в римский монастырь, где пребывал до 996 г. После поездки в Саксонию отправился в качестве миссионера к пруссам-язычникам, был ими убит, а затем канонизирован католической церковью в качестве святого [18].

Житийные повествования об Адальберте Пражском после гибели епископа весьма быстро приобрели популярность в разных частях Европы. Все наиболее значимые католические хронисты, обращавшие свой взор на события, имевшие место в Восточной Европе в X—XI вв., полагали обязательным включить упоминание о его святой жизни и мученической смерти в свое повествование. В этой связи следует назвать Иоанна Канапариуса, Бруно Кверфуртского, Титмара Мерзебургского, Козьму Пражского и ряд других авторов. Сама тема подвига святителя, принявшего свою смерть от рук непримиримых язычников, весьма волновала хронистов и пользовалась большой популярностью. Современная библиография, посвященная этой тематике, очень объемна [17].

...В Рим пришел чешский епископ Адальберт, при крещении получивший имя Войтех... Он долгое время смиренно жил по строгим правилам аббата Бонифация, служа [другим] добрым примером. Позже... он пытался укротить сердца пруссов, далеких от Христа, уздой святой проповеди, но 23 апреля был пронзен копьем и обезглавлен, единственный из своих обрета без всякого стога всегда желаемое им мученичество. Он сам предвидел это в ту же ночь во сне, о чем и поведал всей братии: «Мне показалось, — говорит, — будто я один служил мессу и причащался». Но нечестивые вершители злодеяния, увидев, что он уже испустил дух, для усугубления своего злодейства и ради Божьего наказания бросили святое тело в море, а голову воткнули ради поношения на кол и, ликуя, вернулись домой. Болеслав, сын Мешко, узнав об этом, тотчас же дав денег, купил славные останки мученика вместе с его головой [12, с. 57].

В этом отрывке нашли свое отражение несколько сюжетов из жизни сына зличанского князя Славника по имени Вячеслав (Войцех), при принятии сана пражского епископа получившего имя Адальберт. Сложная политическая обстановка в Чехии и за ее пределами, завершение объединения страны, противостояние чешского князя и зличанского фамильного клана Славниковичей, сложные отношения всех действующих лиц со Священной Римской империей и католической церковью представляют слишком объемный материал для формата статьи. Достаточно упомянуть, что семья Адальберта и он сам оказались в эпицентре почти всех наиболее значимых событий чешской истории.

Двойственность положения, в котором находился епископ Адальберт, хорошо прослеживается в повествовании Козьмы Пражского, неоднократно отмечавшего не только кротость и благонравность будущего епископа, его последующую дружбу с императором Оттоном III, но и некие противоречия с местным обществом, приведшие к его уходу в

Рим: «...епископ Адалберт, видя, что паства, доверенная ему, неуклонно приближается к пропасти, а он не может направить ее на верный путь, и опасаясь, что он сам может погибнуть с этим народом, не мог долше оставаться с этими людьми» [7, с. 71]. Тем не менее эти якобы не очень серьезные сложности привели к трагедии большого масштаба. Некие «комиты» (по всей видимости, военные князья) «напали на град. Они убили всех до одного мужчин и женщин, перед алтарем обезглавили четырех братьев св. Адалберта со всем их потомством... Нагруженные кровавой добычей и страшной поживой, комиты весело вернулись в свои дома. Так, в лето от рождества Христова 995, в граде Либише было убито пять братьев св. Адалберта... Собебор, Спитимир, Доброслав, Поржей, Часлав» [7, с. 73]. Единственным уцелевшим оказался сводный (а потому, вероятно, не имевший прав на наследование трона) брат Радим — будущий епископ гнездинский. Многие центральноевропейские исследователи полагают, что описанные события стали результатом решения Болеслава II ликвидировать конкурентов, имевших, по некоторым показателям, большие права на его трон.

Как бы то ни было, явное стремление Адалберта укрыться за стенами монастыря косвенно подтверждает подобные гипотезы. Однако навсегда остаться в монастырских стенах не было суждено, и с ведома папы римского он отправился на проповедь среди пруссов-язычников.

О конце жизненного пути архиеерея Козьма Пражский, предварительно ссылаясь на широко известные жития, говорит кратко: «...славный знаменосец Христов, епископ Адалберт... счастливо окончил свою жизнь, приняв мученичество ради Христа в пятницу 23 апреля» [7, с. 74–75]. Безусловно, учитывая сложности и перипетии жизненного пути и семейного положения княжича Войцеха (Адалберта), можно, помимо духовного подвига и христианского мученичества, выстроить и иные версии его гибели, но недостаточность первичной информации не позволяет заниматься подобными построениями.

Территории Прибалтики и бассейна Верхней Оки находятся на весьма большом удалении друг от друга. Тем не менее при описании двух событий, одно из которых формально имело место несколько раньше другого, произошедшего предположительно в первой четверти XII в. на территории вятичей, прослеживается ряд параллелей. И при внимательном рассмотрении подобное сходство выглядит совершенно неслучайным.

Речь во втором случае идет о довольно известной легенде, повествующей о мученическом подвиге печерского иеромонаха Кукши. Согласно сюжету, пересказанному в Киево-Печерском патерике, популярный и широко известный монах киевского Печерского монастыря проповедовал православную веру среди вятичей-язычников. Местные жители не восприняли проповедь и, по наущению своего жреца, убили Кукшу и (вероятно) его спутника, принявших, таким образом, мученическую смерть:

Священномученика того же монастыря Печерского чернеца Кукшу, его же вси сведают, како бесы прогнал, и вятичи крестил, и дождь свел, озеро

иссушил, и многа чудеса сотворил. По многих муках усечен был со своим учеником. С ними же и Пимин, блаженный постник, в один день скончался, предвидев свой отход преже двою лет, и многа ина пророчества, недужные исцели. Посреди церкви велегласно рек: «Брат наш Кукша противу свету убиен бысть». И тако рек, преставися в один час с теми святыми [3, с. 27].

Автором приведенного текста традиционно полагается епископ Владимиро-Суздальский Симон, хотя следует помнить, что, согласно взглядам большинства исследователей, место происхождения «Повести временных лет» и источник информации о подвиге Кукши едины — киевский Печерский монастырь.

Кукша, согласно имеющейся информации, был иеромонахом Киево-Печерской лавры, пользовался широкой известностью, силой молитвы творил чудеса, был казнен на рассвете, подобно Адальберту, путем отрубания головы («усечен бысть»). Косвенные признаки указывают на вероятность его знатного происхождения и на то, что он мог быть основателем или игуменом киевского Купшина монастыря на реке Сетомль [6, с. 348–373]. До уровня Войцеха-Адальберта, принца и епископа, скорее всего, Кукша, не «дотягивал», но знатность происхождения и влияние у него присутствовать могли.

Анализ деталей позволяет увидеть значительное сходство между ранним и более поздним рассказами. Первая общая черта — это, безусловно, проповедь среди воинственных язычников, пруссов и вятичей, которые после завершения миссии тем не менее продолжили пребывать в прежнем состоянии и еще долго оставались язычниками.

Вторая черта — праведность обоих проповедников. Тема видений и чудес, являвшихся обязательным атрибутом святости, прослеживается в обоих случаях. В житиях Адальберта речь идет о его легендарном участии в крещении Венгрии и Польши, а также упоминаются его различные чудеса и явления во снах разным историческим персонажам [7, с. 75, 97, 103–104, 107, 165–166], в повествованиях о вятичской миссии Кукши — изгнание бесов, сведение дождя, осушение озера и «многие чудеса», а также возгласение «блаженным постником» Пимином об убиении «противу свету» брата Кукши и его смерть одновременно с учеником, что явно подразумевает божественные откровения и видения.

В обоих случаях ситуация смерти святых была отягощена нарочитой и явной ритуальностью убийств — «противу света», — подчеркнута символизировавших языческое жертвоприношение. Голову Адальберта еще и нанизали на кол, что придало событию явную демонстративность. Стремление максимально широко заявить об убийствах прослеживается в обоих случаях. Исчезновение и гибель странствующего проповедника представляли собой традиционный для него риск. В то же время скорость обнаружения тел обоих погибших клириков указывает на то, что их перемещения явно отслеживались кем-то очень influential. Эта гипотеза подкрепляется отдельными обстоятельствами их смерти и последующего обнаружения тел: гибель в лесах, но при этом

фактически не пострадавшие (к примеру, от диких зверей) тела, отделенные головы, а в случае Адальберта возникает предположение, что выловленное в море тело (вероятно, утопленное также в ритуальных целях) явно сохранялось для последующей выдачи за выкуп. Складывается впечатление «постановочности» обоих событий.

Следующая особенность, бросающаяся в глаза, — безнаказанность убийц миссионеров в широком смысле: князь Болеслав не требовал выдать виновных, не пытался покарать пруссов, тем более не пошел на них войной, а выкупил тело и голову епископа за золото. Русские письменные источники также не сохранили указаний на кару, постигшую святотатцев и убийц Кукши, хотя бы не от руки черниговского князя или его доверенных лиц, а по их указанию. С определенной точки зрения, правители в обоих случаях в некоторой степени даже косвенно поощряют убийства, не требуя выдачи и кары виновных. В случае Адальберта, с учетом предшествующего убийства его братьев, вероятно имевших права наследования земель княжества Славника, действия пруссов (в случае если это были именно они, а не маскировавшиеся под них наемники), продолживших кровавую череду чешских убийств, выглядят особенно подозрительно.

Еще одна прямая тематическая параллель — наличие внешне благопристойных правителей, которые хотя и должны были нести свет христианства язычникам, но, как уже отмечалось выше, демонстрируют равнодушие к этой миссии (так же как и к обеспечению безопасности проповедников). Роднит проповедников, вероятно, высокий социальный статус: в случае Кукши — возможного настоятеля монастыря, в случае же Адальберта — выдающегося архиерея и имперского церковного деятеля, находившегося в дружеских отношениях с императором. Также практически невероятным представляется в обоих сюжетах полное отсутствие каких-либо договоренностей и контактов между длительное время соседствовавшими официальными властями и язычниками: королем и пруссами в одном случае, княжеской администрацией и вятичами — в другом.

Безусловно, для верхнеокского сюжета необходимо указать, что «жизнь древнерусского монаха... не была защищена ни церковным, ни княжеским правом» [1, с. 49]. Самое раннее упоминание о каре за насильственное лишение жизни священника относится лишь к концу XII в.: «Оже убьют таль или попь новгороцкое или немецкъе Новегороде, то 20 гривнь серебра за голову» [2, с. 56]. В случае же смерти имперского епископа искать иной *casus belli* в отношении пруссов было бы совершенно излишне. Вряд ли сами пруссы этого не понимали.

Вне всякого сомнения, общие черты обоих повествований, построенных в соответствии с устоявшимся каноном жизнеописания христианского праведника, можно объяснить стереотипностью и даже архетипичностью ситуаций. Но другой пласт совпадений придает имеющимся параллелям особое звучание.

Речь идет о хронологически более старом историческом эпизоде, связанном с легендарным основателем этнополитического объединения вятичей Вятко. Летописное упоминание о нем коротко: «бѣста бо.

2. брата в Лясахъ. Радимъ. а другому Вятко и пришедъша. седоста Радимъ на Съжо. [и] прозв[а]шася Радимичи. Вятко седе съ родомъ своимъ по Оце. От негоже прозвашася Вятичи» [9, с. 11–12].

Указание «в Лясахъ» следует, по-видимому, понимать как «на близком западе от Руси», так как Минейная редакция жития святого чешского князя Вячеслава начинается словами: «Месяца септемвриа в 28 день Житие блаженного князя Вячеслава бывшего в Лясахъ» [11, с. 60]. Термин «в Лясахъ» здесь подразумевает не этническую, а скорее географическую привязку, что позволяет провести прямую аналогию.

Не оспариваемая до настоящего времени реконструкция М. Фасмера возводит имя Вятко к первоначальному варианту Вячеслав [13, с. 376, 378]. В Фульдских анналах зафиксированы созвучные имена в виде Witislan под 872 г. и Witzla (Вячеслав) под 895 г. [14, р. 126]. Сразу же вспоминается канонизированный чешский князь Вячеслав, живший в начале X в., различные формы имени которого — ст.-слав. Вяцеслав, чеш. Václav, лат. Venceslaus, Wratizlaus — позволяют провести прямую аналогию с мирским именем Адальберта — Венцеслав, Вацлав и т. д. [16, S. 253].

Еще более говорящим является наличие у Адальберта (Вячеслава) сводного брата Радима, известного как Гаудентиус (Gaudentius) — первый епископ польского города Гнезно. Интересно, что Титмар Мерзебургский продемонстрировал свое сомнение в том, что император Оттон был правомочен возвести Гаудентиуса в сан гнезнинского епископа: «...он [император Оттон] основал там архиепископство, как я надеюсь, законным образом, но все же без согласия того епископа, чьей юрисдикции подлежала вся эта страна. Архиепископство он вверил Радиму» [12, с. 63]. Цитируемая ранее летопись таким же именем называет основателя восточнославянской группировки Радимичей, которого обозначает как брат Вятко.

Анализ письменных источников показывает, что употребление имен, производных от корня *rad*, не было типично для Руси в X–XII вв. Они встречаются в Ипатьевской летописи под 1087 г., когда «Ярополка взяша отрок на конь. Передь ся Радко...» [10, стб. 198]. И здесь же о событиях 1161 г.: «...Половци. Въездяху в городъ. Просекающе столпии. И загжоша дворъ. Лихачевъ поповъ. И Радъславль...» [10, стб. 515]. В то же время имя Радим (Радзим) широко известно в польской и чешской истории, а Гаудентиус является лингвистической калькой со славянского на латынь и имеет значение «радующий, добрый». Радим (Гаудентиус), как и его сводный брат Адальберт (Войцех), был сыном одного из сильнейших местных князей Славника.

Взаимоотношения их отца, либицкого князя Радислава Славника, с Болеславом II представляли собой, вероятно, один из самых драматичных сюжетов чешской (богемской) истории того периода. Он, по всей видимости, был единственным, кто мог фактически на равных противостоять князю чешскому и самостоятельно вел не только внутреннюю, но и внешнюю политику. С этим, скорее всего, и было связано назначение братьев значимыми церковными иерархами. Лишь после смерти всех прочих членов клана во время упомянутой либицкой резни Чехия стала единым государством [4, с. 20–21; 5, с. 60–61, 65–66].

Несложно заметить созвучие имени младшего из уцелевших братьев с именем князя Радислава. Имя Радим (Радзим) до настоящего времени весьма распространено среди западных славян (в Польше, Чехии и Словакии) и является одним из многочисленных имен, образованных от корня *rad*. Этот корень, по мнению польских филологов, может иметь несколько значений — «радоваться», «заботиться», «печься, беспокоиться о чем-то» и т.д. [19, s. 247]. Существует также ряд родственных антропонимов, от него образованных: «Rado-ciech; Rado-mił, Rado-miar, Rado-mir, Rado-sław... Rado-wit, Rado-(w)uj; Redo-sław... Rad-mir, Rad-sław... Rad-rech(?), Rad-sui; Rat- sław... Rac-(s)ław... Rad-ach... Rad-ak... Rad-o... Rad-ek... Radowan, Radwan, Redwan...» [19, s. 247–248]. Также на этих землях повсеместны фамилии, производные от имени Радим.

Таким образом, при рассмотрении вятичских сюжетов в качестве единого повествовательного комплекса можно проследить черты явного сходства с житиями святого Адальберта. Это и центральные их фигуры — знатные миссионеры, безуспешно проповедующие среди язычников, и сопровождающая их деятельность череда чудесных явлений, (изгнание бесов, вызов дождя, иссушение водоема, нетленность тела и т.д.), и последующие ритуальные демонстративные убийства проповедников, оставшиеся, судя по всему, безнаказанными, но давшие вопиющий формальный повод для вмешательства в дела местного языческого населения. В обоих случаях присутствуют братские пары: Адальберт (Вацлав) — Радим (Гаудентиус) и Вятко (Вячеслав) — Радим, участники которых по странному историческому капризу являются полными тезками. Адальберт и Гаудентиус достоверно принадлежали к титулованному и влиятельному княжескому роду, Вятко с Радимом, в свою очередь, по ряду признаков могли относиться к высшим сословиям [8].

Любопытным представляется также возможное сопоставление ритуального убийства миссионеров язычниками «противу солнца» и казни братьев Адальберта-Вацлава в семейной Либице «перед алтарем... со всем их потомством», которые, при всех оговорках, для объективного наблюдателя выглядят явлениями одного плана.

В рассматриваемом случае трудно представить возможность случайного совпадения столь многих имен и обстоятельств. Имеются различные варианты решения данной исторической загадки, вплоть до гипотезы об определенной случайности присвоения основателям двух восточнославянских «племен» имен широко известных святых [15]. В то же время наличие чрезмерного количества параллелей и аналогий в повествованиях о судьбах Адальберта и Кукши позволяет прийти к заключению о вероятности как осознанного выстраивания ткани повествования, так и подчеркивания некоего сходства исторических контекстов.

Думается, что предполагать со стороны монаха-летописца «иронию» в отношении канонизированных западных христианских братьев-епископов было бы неуместным. Монахи-летописцы всегда отличались повышенным благочестием и набожностью для того, чтобы греховно соотносить причисленных к лику святых епископов с предпо-

жительно языческими вождями, тем более что разделение христианской церкви на западную и восточную ветви произошло не так давно и могло представляться явлением временным.

Таким образом, комплексное рассмотрение совокупности древнерусских нарративных источников, посвященных событиям в бассейне Верхней Оки, позволяет выявить присутствующие в них прямые и косвенные параллели и аналогии с житийными повествованиями о деятельности Адальберта Пражского. Явно более ранняя датировка письменной фиксации повествований о жизни выдающегося католического церковного деятеля (конец X в.) заставляет предположить знакомство древнерусских авторов с житиями святых братьев Адальберта и Гаудентиуса (Вацлава и Радима), оказавшими значительное влияние на два наиболее важных повествования о судьбах вятичских земель в бассейне Верхней Оки.

Список литературы

1. Гайденко П. И. Сколько стоила «жизнь» инока в домонгольской Руси? (небольшие наблюдения о социальном статусе древнерусских иноков) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλαιόρωμα: εν χρόνο, εν προσώπω, σε εν είδει: альманах. Вып. 4 / под ред. П. И. Гайденко. СПб.; Казань, 2015. С. 31–53.
2. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.
3. Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999.
4. История Чехии / под ред. В. И. Пичета. М., 1947.
5. История Чехословакии. Т. 1 / под ред. Г. Э. Санчука, П. Н. Третьякова. М., 1956.
6. Карпов А. Ю. Исследования по истории домонгольской Руси. М., 2014.
7. Козьма Пражский. Чешская хроника / вступ. ст., пер. и коммент. Г. Э. Санчука. М., 1962.
8. Майоров А. А. Призвание Вятки (к вопросу о создании вятичского племенного союза) // Вестник Брянского государственного университета. 2015. №3 (26). С. 101–104.
9. ПСРЛ. Т. 1: Летопись по Лаврентьевскому списку. 2-е изд. / Археографическая комиссия. СПб., 1872.
10. ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908.
11. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970.
12. Титмар Мерзебургский. Хроника: в 8 кн. 2-е изд., испр. / пер. с лат. И. В. Дьяконова. М., 2009.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1: А–Д / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и предисл. Б. А. Ларина. 2-е изд., стер. М., 1986.
14. *Annales fuldenses sive annales regni francorum orientales* / ed. G. H. Pertzii. Hannoverae, 1891.
15. Aristov V. Why were Radimichi and Vyatichi «of Polish origin»? // *Historické rozhľady* / ed. M. Daniš, L. Rybár. Bratislava, 2018. P. 18–25.
16. Bretholz B. Die Chronik der Böhmen des Cosmas von Prag // *Monumenta Germaniae Historica*. Т. 2. Berlin, 1923.

17. *Bôbová M., Töröková M. Svätý Vojtech: svätec, doba a kult : Výberová bibliografia.* Banská Bystrica, 2010.

18. *Klaniczay G. Chapter One. Saints' Cults in Medieval Central Europe: Rivalries and Alliances // Symbolic Identity and the Cultural Memory of Saints / ed. by N.H. Petersen, A. Mänd, S. Salvadó, T.R. Sands.* Cambridge Scholars Publishing, 2018. P. 21 – 41.

19. *Słownik etymologiczno-motywacyjny staropolskich nazw osobowych. Część 1 : Odapelatywne nazwy osobowe / oprac. A. Cieślíkowa przy współudziale J. Szymowej i K. Rymuta.* Kraków, 2000.

Об авторе

86

Анатолий Александрович Майоров – канд. ист. наук, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, Россия.

E-mail: aamajorov@rambler.ru

The author

Dr Anatoliy A. Mayorov, Orel State University named after I.S. Turgenev, Russia.

E-mail: aamajorov@rambler.ru